

современном обществе: материалы Междунар. конф. - СПб., 2003. - С. 89-92.

11. **Перепелицына, М. А.** Формирование педагогической толерантности у будущих учителей: [Текст] дис. ... канд. психол. наук. Волгоград, 2004. - 20 с.

12. **Философский энциклопедический словарь** [Текст] / ред.-сост. Е.Ф. Губского и др. М. : ИНФРА-М, 2006. - 574 с.

ГРНТИ 02.11

УДК 130.1

Дыдров Артур Александрович

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ФУТУРОПЛЮРАЛИЗМА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: будущее, образование, футуроплюрализм, постструктурализм, философия, плюрализм, антиутопия, дистопия.

АННОТАЦИЯ. В статье осмысливается феномен футуроплюрализма. Современному человеку все сложнее жить в условиях множественности сценариев и проектов будущего. В настоящее время российское образование не справляется с вызовами футуроплюрализма. Тем не менее, существуют определенные направления борьбы с множественностью картин будущего. Подрастающее поколение можно побудить к размышлениям о будущем человека и человечества. В данной статье обозначены некоторые конкретные меры по воспитанию поколения, думающего о будущем.

Didrov Artur Alexandrovich

RUSSIAN EDUCATION IN A SITUATION OF FUTU- REPLURALISM

KEY WORDS: Future, education, futurepluralism, poststructuralism, dystopia.

ABSTRACT. The paper conceptualized the phenomenon futurepluralism. Modern man more difficult to live in a multiplicity of scenarios and future projects. Currently, Russian education is unable to cope with the challenges of futurepluralism. Nevertheless, there are certain areas of the fight against a multiplicity of pictures of the future. The younger generation can be encouraged to reflect on the future of man and mankind. This article highlights some of the specific measures to promote generation of thinking about the future.

Во введении в «Капитализм и шизофрению» Ж. Делез и Ф. Гваттари вывели парадоксальное тождество «плюрализм = монизм» [1, с. 37]. Эта странное утверждение необходимо рассматривать в контексте творчества философов-постструктуралистов. Они демонтировали вековые философские системы, вывернули наизнанку традиционные дискурсы и увидели механизмы образования смысла. В постструктуралистской философии понятия фундамента, основания, субстанции считались пережитками прошлого. Не существует никаких оснований, цели целей (causafinalis), тождества, структур и систем. Именно на этих понятиях стояла когда-то европейская и русская философия. В мире, по утверждению Ж. Делеза, нет двух одинаковых пшеничных зерен [2, с. 347]. Эта фраза из статьи «Лукреций и симулякр» как нельзя лучше раскрыла смысл обозначенного тождества. Множественность подлинна, а Божественный демиург, Единое, Абсолютный Дух, вымышлены. В мире есть только различное. Разум человека ищет сходства. Поиск сходств в вещах, явлениях и процессах прочно связан со стремлением обрести твердую почву под ногами. Сталкиваясь с множественностью, человек теряется.

В начале XXI в. правота Ж. Делеза и Ф. Гваттари очевидна. Интенсивные перемены происходят во всех сферах жизни – политике, экономике, социальной сфере, культуре. В духовной жизни общества восторжествовал вовсе не

«подлинно бесконечное» (выражение Ж. Делеза [2, с. 365]). На человеке скорость изменений нередко сказалась крайне негативно. Деадаптация человека в условиях интенсивных перемен была обозначена О. Тоффлером как «футурошок». И. В. Бестужев-Лада, в свою очередь, ввел в оборот понятие футурофобии, смысл которого выражается в неприятии человеком качественно иного будущего.

Страх и трепет человека перед будущим поразительным образом уживается с ярко выраженной социальной и культурной тенденцией XX-XXI вв. – увеличением числа сценариев и проектов будущего. Футуроплюрализм – множественность, с настойчивостью дающая знать о себе. Вступив в XXI в., необходимо понимать, что такое футуроплюрализм и какова возможная стратегия существования в его условиях. Футуроплюрализм – это множественность картин, набросков, эскизов будущего, рассеянное множество сценариев будущего, написанных в различные исторические эпохи, создаваемых по сей день деятелями науки, искусства, религии и т. д. На российском и мировом образовании, в этой связи, лежит груз ответственности за формирование личности, внимательной к будущему человека и человечества.

Российское образование имеет множество слабых сторон. Одна из них выражается в отсутствии дисциплин, связанных с прогнозированием и проектированием будущего. Речь, естественно, не идет об иной крайности, то есть о включении курсов прогнозирования и футурологии в обязательную программу школьного обучения. Необходимо искусно интегрировать некоторые достижения в области футурологии в дисциплины, имеющие благодатную почву. Прежде всего, речь идет об обществознании. В действительности, широко востребованная сегодня серия учебников Л. Н. Боголюбова вызывает некоторые сомнения. Темы базового и профильного курсов обществознания исключают прогностический аспект. Авторы школьных учебников по обществознанию (Л. Н. Боголюбов в том числе) назы-

вают общество системой, состоящей из строго определенной совокупности элементов – социальной, духовной, экономической и политической сферы. За рассуждениями о социальной сущности человека, деятельности, свободе и необходимости, духовной культуре и прочем теряется протяженность жизни человека и общества, перманентное шествие в будущее. Пожалуй, одной из самых актуальных тем учебного пособия Л. Н. Боголюбова является тема «Глобальная угроза международного терроризма». В учебнике 11 класса (базовый уровень) новацией стала тема «Демографическая ситуация в современной России». Обозначенные темы принципиально важны для конструирования образа будущего нашей страны, они могут и должны оказать серьезное влияние на ценностный мир учащихся. Тем не менее, две или три темы, освещенные педагогом в рамках курса «Обществознание», вряд ли достаточны для того, чтобы учащийся всерьез задумался о будущем.

Адаптация школьника в условиях футуроплюрализма не должна быть связанной только со знанием азов прогнозирования и проектирования. Нужно свыкнуться с мыслью о том, что человека окружают многочисленные и зачастую противоречащие друг другу образы будущего. Конструирование образов будущего – не прерогатива проектировщиков. Ребенок должен познакомиться с образами будущего в научной фантастике (sci-fi). Терапевтическую функцию в этой связи имеют литературные дистопии. Еще в 90-х гг. XX в. в программы некоторых школ был включен роман Е. И. Замятина «Мы». Де-факто знакомство с содержанием произведения не было обязательным. На анализ романа (композиции, идей автора, характеров персонажей, образа жизни и т. д.) отводилось менее одного учебного часа. Уроки литературы между тем могли бы стать благодатной почвой, взрастившей детей, привитых от футурофобии и футурошока. Особого внимания заслуживают авторы, опасения которых ежесекундно сбываются: О. Хаксли, Ф. Пол, Ф. Дик и другие.

Уроки мировой художественной культуры тоже являются благодатной почвой для воспитания школьников, устойчивых к интенсивным переменам. Де-факто далеко не всегда учителя знакомят учащихся с авангардными художественными направлениями (супрематизмом, футуризмом, пуризмом, неосюрреализмом и т. д.). Пафос революций в искусстве, демонтаж ценностей классицизма, урбанистические мотивы – все это и многое другое могло бы стать ценным материалом, освоенным и усвоенным детьми. Придерживаться консервативных взглядов и пропагандировать исключительно ценности старого искусства сегодня, по-видимому, не совсем уместно.

В эпоху расцвета визуальной культуры, господства образа, нужно знакомить ребенка с кинематографическим искусством. По меткому выражению В. В. Савчука, «не мы видим образы, а образы видят нами» [3]. Это не означает, что кино должно быть «важнейшим искусством» для каждого школьника, потеснив книгу. Тем не менее, система образования не может и не должна игнорировать большую ценность киноискусства, его значимость в жизни человека XXI в. В некоторых школах страны уже довольно давно функционируют киноклубы, кинотеатры и кинозалы. Например, в московской школе № 2098 есть «Психологический киноклуб», а в Екатеринбурге, в школе № 52, работает кинотеатр. В репертуаре кинотеатра есть обучающие фильмы по истории, географии, биологии и литературе. В кинематографическом искусстве есть довольно большое число фильмов о будущем, которые могли бы найти отклик учащихся и не оставили своего зрителя равнодушным. Авторы этих фильмов рисовали картины социальных катаклизмов, неустроенности жизни человека, экзистенциального вакуума, бегства от мышления и прочие. «Дорога», «Слепота», «Сквозь снег», «Она», «Интерстеллар» – немногочисленные образцы современного кинематографа, безусловно заслуживающие внимания. Из образцов старого кинематографа вспомним «1984», «О дивный новый

мир!», «Цена риска», «Мир будущего», «Мир Запада» и т. д. По нашему мнению, современные школьники должны знакомиться с различными сценариями будущего. Далеко не все исследователи согласны с выраженным мнением. Например, челябинский философ-иммортолог И. В. Вишев утверждал, что произведения-дистопии (и фильмы в том числе) «распространяют деструктивную ментальность, которая лишь усугубляет ситуацию в стране и мире» [4, с. 82]. В данной статье мы не будем дискутировать с мнением авторитетного ученого. В статье журнала «Челябинский гуманитарий» (№1, 2014 г.), посвященной материально-телесной организации человека будущего в дистопии четко выражена наша позиция по вопросу о роли и значении антиутопии в духовной жизни человека: «Дистопия должна вызывать шок, отвращение» [5, с. 64]. Шок, как известно, может иметь терапевтическое значение. Фильмы о будущем (как и литературные произведения) могут, по выражению Б. А. Ланина, «предупредить, известить, обратить внимание, проинформировать, словом, донести читателю информацию о возможной эволюции современного общественного устройства» [6, с. 155]. Дополняя высказывание отечественного филолога, можно говорить о гуманистической функции художественных произведений о будущем, об их воздействии на ценностный мир человека.

На художественные фильмы уже стали смотреть как на предмет философского осмысления. Например, Р. В. Пеннер увидела в художественных фильмах пласты «префилософского» [7, с. 129]. Фильм – продукт культуры, приоткрывающий завесу иного мира – другого и возможного. Не только *над*, но и *с* фильмом нужно работать. В статье о фильме-антиутопии «План побега» Р. В. Пеннер демонстрирует это [8, с. 860-863].

Уровень развития современной системы школьного образования позволяет реализовать обозначенную «программу-минимум». Фактически же учеников не готовят к будущему, не побуждают думать о будущем. Одним из наи-

более опасных явлений современного общества можно назвать индифферентное отношение людей к будущему. Будущее стало личным, а не всеобщим. Только свое собственное будущее человек считает подлинно будущим, выбрасывая будущее другого из головы.

В современной системе высшего образования тоже есть слабые стороны. В преподавании технических наук особое место отводится теории и практике инженерной деятельности. Например, в перечне специальностей факультета компьютерных технологий, управления и радиоэлектроники (КТУР) Южно-Уральского государственного университета особую роль играют специальности «Информатика и вычислительная техника», «Радиотехника», «Инфокоммуникационные технологии и системы связи», «Системы управления движением и навигация» и др. Сравнительно недавно появилась специальность «Мехатроника и робототехника». Это, вне сомнения, прогрессивный шаг. Кроме того, минимум три специальности связаны с информационной безопасностью. Это касается бакалавриата и специалитета. В перечне специальностей магистратуры нет ни одной специальности, прямо связанной с информационной безопасностью.

В рамках специальности «Мехатроника и робототехника» бакалавры и магистры изучают соединение узлов, датчиков состояния внешней среды, функционирование усилителей, исполнительных механизмов и т. п. В рамках специальности «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере», упор делается на изучение баз данных, программирования, криптографии, программно-аппаратной защиты информации, информационного права, криминологии и других областей знания. В обоих случаях приоритет имеют специальные дисциплины, связанные с математикой, физикой, математическими основами обработки информации. Мировоззренческие проблемы, как правило, не находятся в поле зрения преподавателей и

ученых, решающих вопросы информационной безопасности, робототехники, мехатроники и прочего.

Как известно, математический и естественнонаучный цикл дисциплин предваряется изучением социально-гуманитарных дисциплин. Считается, что в рамках этих дисциплин решаются мировоззренческие проблемы, осуществляется поиск смысложизненных ориентиров, а на технику смотрят не как на совокупность инструментально-аппаратных средств, а как на феномен, угрожающий бытию человека и требующий осмысления. Между тем, в рамках гуманитарных дисциплин вопросы о будущем фактически не ставятся, а серьезный разговор о будущем был и остается прерогативой футурологов. Футурология и прогнозирование имеют малозначительное влияние в России. Эти области знаний – очередные «новинки Запада». Несмотря на то, что в нашей стране функционирует ассоциация футурологов, а книги зарубежных ученых пользуются большим спросом, футурологию и прогнозирование считают едва ли не паранауками, интенсивно применяющими метод экстраполяции. Прогнозирование сегодня преимущественно обслуживает экономическую сферу, а точнее, – рынок и бизнес. Например, в Институте социально-экономического прогнозирования и моделирования (ИСЭ-ПИМ, Московская область) есть четыре специальности: «Сервис и туризм», «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело», «Экономика и управление» и «Юриспруденция». В Хабаровском государственном университете экономики и права (ХГУЭП) одним из важнейших профилей является профиль «Бизнес-статистика и прогнозирование». В Оренбургском государственном университете (ОГУ) в рамках специальности «Национальная экономика» есть специализация «Прогнозирование и стратегическое планирование». В некоторых российских вузах преподаются основы социального прогнозирования. Например, в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева (МГУ) дисциплина «Соци-

альное проектирование и прогнозирование» преподается в рамках специальности «Социальная работа». Перечень сфер профессиональной деятельности выпускников связан не только с экономикой, но и с политикой, социальной защитой, социальной помощью и т. д. Обозначенные примеры свидетельствуют о том, что современная российская система образования еще не готова к вызовам футуроплюрализма. В широком перечне дисциплин, связанных с планированием, прогнозированием и проектированием, есть интуитивно понятный, но трудно выразимый изъян.

Реальные пути выхода из сложившейся ситуации, на наш взгляд, связаны с инициативой преподавателей, осознающих сложность проблемы индифферентности молодого поколения к будущему. Реализация «программы-минимум» должна быть связана с системой дополнительного образования. Инициативой снизу крайне трудно изменить государственные нормативные документы (прежде всего, образовательный стандарт). Система дополнительного образования – широкое поле деятельности педагогов-энтузиастов. Организация философских, культурологических, политологических и социологических клубов с участием преподавателей и студентов, приглашение членов Ассоциации футурологов, преподавательские и студенческие конференции, тематические лекции и семинары – все это позволяет взрастить поколение людей, думающих о будущем. Студенческая аудитория отзывчива. Молодое поколение ценит заинтересованных педагогов. Прививка будущим может и должна быть сделана в школьных классах и студенческих аудиториях. В противном случае название известного фильма П. Коллинсона перестанет быть лишь названием – «Завтра не наступит никогда».

Список литературы:

1. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

2. Делез, Ж. Лукреций и симулякр [Текст] // Логика смысла / Ж. Делез. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Савчук, В. В. Неизбежность медиафилософии [Электронный ресурс] // URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/ (дата обращения: 26.01.2016)
4. Вишев, И. В. И. Кант: «На что я смею надеяться?» [Текст] / И. В. Вишев // Челябинский гуманитарий. – 2015. – №2 (31). – С. 82-92
5. Дыдров, А. А. Человек будущего в дистопии. Тело [Текст] / А. А. Дыдров // Челябинский гуманитарий. – 2014. – Т.3. – №28. – С. 63-72.
6. Ланин, Б. А. Анатомия литературной антиутопии [Электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf (дата обращения: 26.01.2015)
7. Пеннер, Р. В. Художественный и многосерийный кинофильмы: префилософское знание или же недостаточный объект для философского исследования? [Текст] / Р. В. Пеннер // Мировоззренческие основания культуры современной России. Сборник материалов V Международной научной конференции. Под редакцией Жилиной В. А. – 2014. – С. 129-132.
8. Пеннер, Р. В. Бег и бегство в дистопии (на материале художественного фильма «План побега» [Текст] / Р. В. Пеннер, А. А. Дыдров // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2-4. – С. 860-863.